

Рамиль РАХИМОВ,
кандидат исторических наук

«СЕВЕРНЫЕ АМУРЫ»: ВЗГЛЯД ОЧЕВИДЦА

*И часто он с толпой башкир и с козаками,
И с кучей мужиков, и конных русских баб...*

Ф.И. Глинка «Партизан Давыдов»
(между 1812—1825 гг.)

Отечественная война 1812 г., заграничный поход 1813—1814 гг. нашли заметное отражение в мемуарной литературе. Дневники, записки, воспоминания о событиях начала века стали появляться в России и Франции буквально сразу после окончания войны.

Несомненно, эпоха наполеоновских войн явилась одной из переломных вех европейской истории нового времени. Нашла она свое отражение и в общественном сознании участников боевых действий, например, в фольклоре казаков и башкир, принимавших непосредственное участие в них.

Понятно, что массовое использование башкир и других кочевников в составе Российской армии в это время не могло остаться незамеченным как русскими, так и французскими военными, журналистами, художниками.

Целью настоящей статьи является попытка обобщения сведений из описаний, воспоминаний, заметок очевидцев эпохи наполеоновских войн о башкирах как иррегулярной кавалерии Российской армии.

Весь материал выделен нами как условные блоки, отвечающие на три основных вопроса: каким было вооружение, снаряжение, обмундирование; какова была тактика и обычай войны; была ли Отечественная война 1812 г. для башкир «Отечественной», либо это была традиционная кампания, похожая на кампании XVIII века?

Кроме мемуарной литературы, мы также привлекли изобразительные источники: рисунки, гравюры, вышедшие в первой четверти XIX в. в России, Германии, Франции. Речь идет о тех, что созданы художниками-современниками, в большинстве своем с натуры, это позволяет считать их важным источником по истории наполеоновских войн.

Итак, каким было вооружение, снаряжение и обмундирование башкир? В официальных документах говорится, что башкиры должны были иметь оружие, «употребляемое по их обыкновению»: «ружья, пистолеты, сабли, пики и луки, кто чем может, и навык употреблять, не требуя единообразия», «одежду дозволить им иметь по своему обычаю». В случае ношения казачьего мундира полага-

лось поощрение. Обычно в литературе указывается именно такой набор вооружения.

Башкиры в 1806—1807 гг. описаны целым рядом очевидцев. Д.В.Давыдов в своих записках описывал, что башкиры были «вооружены луками и стрелами». На лук и стрелы, как на основное оружие, указывает и английский офицер Роберт Вильсон, находившийся в русской армии.

Малоизвестной, редкой книгой является издание Жан-Батиста Бретона. Существуют два экземпляра этой книги, хранящиеся в Париже и Москве. Иллюстрации к ней были сделаны Дамам-Дэмартрэ и англичанином Робертом Кер-Портером в 1806—1807 гг.

«Башкирские воины вооружены длинной пикой, украшенной флажком, по которому они определяют офицера, саблей, луком и колчаном с двадцатью стрелами... Луки у них небольшие, имеют типичную азиатскую форму и, как правило, грубо выделаны. На концах стрел мало перьев. Однако, стреляют они отменно, с удивительной легкостью».

Вооружение и снаряжение башкир в 1812—1814 гг. было неизменным.

Один из офицеров Владимирского ополчения, встретивший башкирскую сотню, ночевавшую в поле, отмечает, что «их дротики, у седла приставленные, видны были нам с горы».

Местные авторы некоторых работ 30-х гг. XIX в. также касаются вооружения башкир. Н.Казанцев пишет о пистолетах, ружьях, пике, сабле и колчане со стрелами. Пика, лук со стрелами — традиционный набор оружия и по заметкам П.Размахнина, особенно отмечавшего искусство стрельбы ими из лука.

Анонимный автор этого времени описывает способ стрельбы из лука: «В сражении башкирец передвигает колчан со спины на грудь, берет две стрелы в зубы, а другие две кладет на лук и пускает мгновенно одну за другою;... пустивши 4 стрелы, колет пикою».

Профранцузская газета «Литовский курьер» писала о башкирах в 1812 г.: «...еще в апреле месяце пришли орды калмыков и башкир, вооруженных луками». Французский офицер Мишель Комба в своих мемуарах, описывая события 5-6 сентября 1812 г., о башкирах пишет следующее: «...были вооружены луками и стрелами, свист которых был для нас нов, и ранили нескольких из наших стрелков». Он же указывает длину стрелы — четыре фута. О таких же параметрах стрел и об оружии башкир упоминает и французский кавалерист Хенрик фон Руз: «Мы обнаружили стрелы и оружие, возможно, принадлежащие башкирам, это были ни ножи и ни шпаги, еще между ними лежала форма, и

они (стрелы) были около 4 футов в длину».

Башкиры в Лейпцигском сражении стали объектом описания французского генерала Марбо, в то время полковника, командира 23-го легкого конно-егерского полка. Мемуары Марбо наиболее известны в литературе и иногда используются авторами некорректно. Часто их относят к событиям 1812 г., хотя речь идет о Лейпцигском сражении 1813 г.

Дальше всех в некорректном цитировании мемуаров Марбо зашел С.Х.Алишев, относя данный текст к татарам.

Марбо описывает вооружение башкир 1813 г.: «...не имея ни сабель, ни пик, и никакого огнестрельного оружия». Техника стрельбы у них следующая: «пускают свои стрелы вверх, заставляя их описывать дугу».

Изобразительные источники представлены в основном работами неизвестных авторов, немецкого Шадова, французских Дюпрессуара Бержере, Бассе, Мартине, русских Опица, А.О. Орловского, А.Ф. Чернышева, Г.Г. и Н.Г. Чернецовых.

Изучение их показывает, что большинство авторов изобразили башкир вооруженными луком и стрелами, пикой. Лишь у единиц имеется ружье или сабля, причем сабли либо российские легкокавалерийские, образца 1798 г., либо произвольной формы, либо французские трофейные.

Таким образом, можно с известной долей уверенности сказать, что башкиры периода наполеоновских войн — это воины, вооруженные луком со стрелами, пиками, незначительное число имели сабли и лишь единицы ружья, тем более пистолеты. Прозвище, данное башкирам французами — «северные амурь», было на самом деле тонким замечанием опытных воинов.

Что касается обмундирования, то не следует относить к этому периоду известное описание В.М.Черемшанского, относящееся к более позднему времени: «суконный кафтан синего или белого цвета, широкие шаровары такого же цвета с красными широкими лампасами, белая остроконечная войлочная шляпка, которая на полях с двух сторон была разрезана и загнута, ремненной пояса, кожаная португеза, сапоги из коневей кожи».

Конечно, башкиры могли иметь суконовые кафтаны синего, белого цвета,

что приближало их обмундирование к казацкому, но, вероятно, таких было очень мало. Лишь в одном графическом листе мы видим башкира, обмундированного в казачий наряд.

На самом деле, судя по изобразительным источникам, близок к истине Д.В.Давыдов, у которого башкиры «в вислouxих шапках, в каких-то кафтаных вроде халатов...»

Действительно, практически на всех гравюрах и рисунках башкиры изображены в чекменях из сукна, халатах, штанах из полосатой разноцветной ткани. Головным убором были: либо малахай (вислouxая шапка), либо колпак из сукна или войлока с разрезанными полями, либо меховая шапка из овчины, шкуры лисы, рыси, волка и т.д. вытянутой формы. С внешней стороны шапки обшивались мехом, а иногда его не было, либо он мог сниматься. Весь этот материал подтверждается исследованиями специалистов-этнографов. Никаких парадных елянов, шапок с висящими лисьими или хвостами енотов, так знакомых нам по передачам телевидения и по концертам танцевальных коллективов, не было. Это и понятно. Елян — праздничная, традиционно дорогая одежда. Он не предназначен для войны. Нашивать на шапку лисьи хвосты — значит непрактично использовать мех, да и хвосты могли лишь мешать доставать стрелы из колчана за спиной. На самом деле хвосты на шапках появились лишь в наше время, придумал их Ф.Гаскаров для своего танцевального коллектива, считая, что во время танца развевающиеся хвосты будут выигрышно смотреться. Ничего общего с подлинной историей такой наряд не имеет. Диковинность башкирских шапок приводила к тому, что они пользовались успехом и у французов в качестве трофея. В мемуарах Эжена Лебома, офицера 4-го корпуса французской армии, об этом говорится следующее: «в нашем лагере солдаты носили экипировку татар, казаков... На них были польские, персидские, башкирские и калмыцкие шапки. Армия была фактически похожа на карнавал» (события сентября 1812 г.).

Интересная особенность: в качестве материала для стремян, как это видно по графике, использовался не только металл, но и дерево. Такая же практи-

ка изготовления деревянных стремян была у индейцев Северной Америки. Вероятно, такое использование природных материалов характерно для кочевников лесостепной зоны.

Характерным явлением было использование башкирами трофейной одежды, о чем упоминают в своих записках Н.Казанцев и Э.Лебом. Как видно, обычай брать трофеи был характерен не только для представителей армии Европы, но и для Азии.

Э.Лебом: «Устав брать пленных, они освобождали пленных солдат, только сохраняя разных офицеров. Но когда они захватывали в плен француза, как бы убого он ни выглядел, они раздевали его, сопровождая операцию большим количеством неприличных жестов».

Н.Казанцев, описывая башкир после эпохи наполеоновских войн, приводит два примера: «на козлы экипажа забрался в шитом золотом французском мундире, узких панталонах, больших турсурых сапогах и в остроконечной шапке башкирец» и башкирский чиновник, «на нем была гусарская куртка, наследие французского офицера в память 1812 г., казачьи шаровары, а на бритой голове башкирского покроя шапка».

Таким образом, обмундирование башкир во многом было традиционным для кочевника и мало походило на казачье. Таким оно стало лишь впоследствии, в 30-е годы XIX века.

Почему башкиры участвовали в войнах нового времени со столь архаичным вооружением? Корни этого явления уходят в XVIII в., в эпоху башкирских восстаний. По указу от 11 февраля 1736 г. башкирам запрещалось иметь огнестрельное оружие, кузни и кузнецов. Разумеется, с введением 10 апреля 1798 г. кантонной системы управления, в каждом кантоне должны были быть слесари для ремонта оружия и т.д. Однако временной отрезок был очень мал для того, чтобы большинство башкир смогло иметь и самое главное — освоить огнестрельное оружие.

Теперь рассмотрим вопрос, как характеризовали очевидцы того времени тактику боевых действий башкир, использование их командованием, а также обычай войны?

Итак, судя по мемуарам и заметкам очевидцев, башкиры в Российской армии использовались как легкая кавалерия — в качестве разведки и участников боевых вылазок. Д.Давыдов и Комб указывают на использование башкир в сторожевых службах, как на еще один из вариантов применения башкирской конницы. У английского представителя при Российской армии Р.Т.Вильсона вместе с казаками и драгунами башкиры составляли личный конвой. Кстати, башкиры несли конвойную службу в 1813 г. во время осады Данцига, а шесть башкирских полков несли конвойную службу во время Русско-польской войны, в 1831 г. сопровождая пленных в глубь страны.

Необычный вариант использования башкир, учитывая наличие у них дополнительных лошадей для перевозки имущества, приводит в своих воспоминаниях командир егерского полка. Во время отступления Российской армии в 1812 г. башкиры на вьючных лошадях перевозили ранцы, шанцевый инструмент и ослабевших егерей 1-го егерского полка.

Наиболее удачным с точки зрения тактики было использование башкир в партизанской войне осенью 1812 г. В некоторых случаях башкиры участвовали в прямых столкновениях легкой кавалерии с противником. Такое применение башкир было в сражении под Лейпцигом, что приводило к большим потерям.

Использование башкир в последнем случае подробно описано Марбо, что позволяет сделать несколько выводов об их тактике. Башкиры кинулись на французов «бесчисленными толпами», «двигались без всякого построения и никакая дорога их не затрудняла», носились вокруг «точно рой ос», далее говорится о том, что они не имели представления о тактике казаков, именуемой «вентерь», заключающейся в обманном заманивании противника в засаду.

Однако известно, что 1-й Башкирский полк принимал участие в 1812 г. в бою под Миром, который строился как классический «вентерь».

Такое разночтение не случайно. 1-й и 2-й полки, сформированные в 1811 г., имевшие долгий контакт с казаками в составе корпуса М.И.Платова, были знакомы с тактикой казаков.

Не случаен поэтому их успех в партизанской войне. Но полки, сформированные в 1812—1813 гг., не смогли сразу освоить тактику иррегулярной кавалерии и несли большие потери именно из-за этого. Таким образом, можно считать, что большинство башкирских полков атаковало не «лавой», как казаки, а налетая «толпой», «роем», — по традиции кочевников. Тем не менее такая тактика была выгодна российскому командованию. Оно поддерживало атаки башкир «атаками гусаров, чтобы воспользоваться тем беспорядком, который башкиры могли произвести в том или другом месте нашей (французской) линии». Таким образом, мы видим как бы необычную ситуацию: регулярная кавалерия поддерживает атаки иррегулярной, хотя, казалось бы, должно быть наоборот. На самом деле такой вариант предполагался уже в Бородинском сражении — вначале иррегулярная кавалерия (казаки М.И.Платова) наносит удар во фланг французской армии, а регулярная кавалерия (гусары и уланы Ф.П.Уварова) развивают успех. Однако в связи с тем, что казаки в этот день не действовали соответствующим образом, то и корпус Ф.П.Уварова не смог выполнить поставленную задачу. Таким образом, иррегулярная кавалерия проводит своеобразную разведку боем, вводя элемент дезорганизации, обнаруживая слабые места, а затем регулярная кавалерия развивает успех.

Итог анализу тактики башкир в первой половине XIX в. дает Н.Казанцев: «В военном действии... оказывают неустрашимость, особенно при атаках на неприятельские пикеты и отдельные отряды. Они мастерски умеют подкрадываться и неожиданно делать такой сильный натиск, что противная сторона не успевает к нему приготовиться; в случае же неудач они такие же мастера рассыпаться и тем спасать себя от преследования неприятельских партий».

Обычай войны того времени предполагал запрет на грабеж солдатами регулярной армии пленных, обозов противника, мародерство в отношении мертвых. Однако на иррегулярную кавалерию он не распространялся. Это был один из законных способов обогащения на войне.

Действительно, записки современников пестрят описанием той добычи, которую забирали себе казаки, башкиры, калмыки, татары. Вильсон в своем дневнике за 13 октября 1812 г. указывает: «Воистину, у легких войск нет нужды в неправедном золоте. Они взяли столько лошадей, часов, луидоров и прочего, что, к примеру, в одном казачьем полку после раздела добычи на каждого пришлось по восемьдесят четыре фунта стерлингов», «казаки настолько обогатились, что теперь они продают наичценнейшие вещи за малую толику золота, ведь только так могут они переводить свою добычу». Офицер Владимирского ополчения И.М. Благовещенский в своих воспоминаниях об октябрьских днях 1812 г. под Москвой описывает встречу с сотней башкир, шедших в партизанский отряд (вероятно, 1-го Башкирского полка). У есаула, командовавшего сотней, была кожаная подушка, набитая российскими ассигнациями. На вопрос, откуда такая сумма, он получил ответ: «золото и серебро — то денежки добрые — остались все на Дону и на Урале. Это ползя от французов».

Через 35 лет эту практику, вероятно, удивлявшую европейцев, вспомнят во времена революции 1848 г. В частности, в тексте Берлинской революционной листовки о предстоящем нападении России об этом говорилось следующее: «Русские уже здесь! Смерть русским! Помните ли вы со времен освободительных войн наших друзей? Помните ли вы еще казаков на низких лошадях с высокими седлами, увешанных котелками, чайниками, сковородками, утварью из серебра и золота? И эти казаки, башкиры, калмыки, татары и т.д. десятками тысяч горят скотским желанием вновь разграбить Германию и нашу едва рожденную свободу».

Таким образом, башкиры в наполеоновских войнах применяли привычную им тактику кочевников, а обычай войны был неизменным с XVIII века. Можем ли мы в таком случае считать, что война 1812 г. была для башкир, казаков, татар и т.д. действительно Отечественной, а не обычной войной, в которых они участвовали до сих пор? Ответ будет положительным. Р.Т. Вильсон в дневнике за 1812 г. указывает, что «пришло донесение от одного из татарских полков, уведомлявшее

о захвате значительного количества переплавленного неприятелем из церковных украшений золота и серебра; они представляли добычу свою в его распоряжение (Платова), полагая, что присвоить ее было бы святотатством.

Возвышенное чувство еще сохраняется здесь, и я мог бы написать толстую книгу об истинных происшествиях, кои посрамляют скардность других, более цивилизованных наций». С этой записью перекликается текст письма к М.И.Платову старшины 1-го Башкирского полка, где он говорит о том, что башкиры жертвуют 1000 рублей на восстановление Донского монастыря, разрушенного французами: «При все нашем рвении (мы) не могли унять сих святотатцев, допустили до Москвы, где ограблены древние чудотворные храмы божии, в чем считаем себя не менее виновными, что не укротили сволочь нечестивую и позволили ограбить святыню...»

О необычайном патриотизме башкир упоминают современники наполеоновских войн С.Н. Глинка: «Мордва, тепляри, мещеряки, черемисы ревностно и охотно шли на службу; башкирцы оренбургские сами собой вызывались и спрашивали у правительства не нужны ли их полки», А.Раевский: «башкирцы, калмыки, тепляри... разделяли святой подвиг брани народной».

Высокую оценку патриотизму башкир в 1812 г. давали и высшие военные руководители. М.И.Кутузов в письме к Оренбургскому генерал-губернатору Г.С.Волконскому: «Вы не можете представить, ваше сиятельство, радости и удовольствия, с каким все и каждый из русских воинов стремится за бегущим неприятелем и с какой храбростью наши воины, в том числе и казаки, и некоторые башкирские полки поражают их». Г.С.Волконский в письме от 2.10.1812 г. дочери: «многочисленные полки иррегулярных войск отправлены в армию. Все идут с охотою на защиту Отечества». Интересными являются заметки генерал-майора Н.М.Бороздина: «часто случалось ему видеть башкирца, который к нему на походе принесет целый ком серебра, отбитого у неприятеля, из числа грабленных в церкви образов, и говорит: «Вот, батька, серебра прикажи взять? Как взять? Да оно твое, ты его отбил. — «Да, батька, отбил, но оно твой мечеть» —

Что же, ты его и возьми, оно тебе теперь принадлежит — «Нет батька, Магомет умирет. Вот, видишь, собака француз умирает, видишь, батька, он умирает за то, что мечеть ваш грабил!». В приведенных эпизодах для башкир, как мы видим, важным был не столько материальный фактор получения добычи, но патриотическое участие в национальной войне, наказание за осквернение религии и святынь, хотя бы даже и православных. Такое состояние менталитета башкирских воинов эпохи наполеоновских войн отметил и противник. «Башкиры — прекрасные наездники и отменные стрелки. Для этих смелых воинов царская служба не ярмо — это их долг, который они исполняют с радостью». Данное высказывание, уже с французской стороны, еще раз подчеркивает несостоятельность тезиса английского историка Чарльза Исдейла. Касаясь иррегулярной кавалерии в составе Российской армии, он указывает, что появилось «47 новых казачьих полков и 9 полков татар, калмыков, башкир и прочих рассортированных по группам кочевников. Что же касается татар и им подобных, то они в действительности были племенными наемниками, не имевшими никакого чувства солидарности с Россией».

Напротив, чувством гордости за казаков и башкир проникнуты строки в записках адмирала А.Шишкова: «между тем Наполеон... распускал глупые и смешные лжи... об нас, русских, разглашал он, что мы варвары, дышащие злобой и мщением; что между нами есть дикие народы, которые жарят и едят малых ребят, что ежели придет в их землю, то смешаем нечистую кровь свою с их чистой кровью и произведем в отечестве их варварскую породу людей... выходцы из Франции уверяют, что француженки не очень баянями его напуганы, и что напротив многие из них любопытствуют увидеть сих варваров и почитают не великою бедою, есть ли через несколько времени будут вокруг их прыгать маленькие казаки и башкирцы», «что в каждый дом ставят по сороку и по пятидесяти казаков и башкирцев, которые всякий день надобно добывать по целой бочке водки и вина!» нелепая ложь сия рассмешила меня».

Таким образом, можно с уверенностью считать, что Отечественная вой-

на 1812 г., заграничный поход 1813—1814 гг. для башкир были более чем обычная война. Свидетельства очевидцев той эпохи, как мы видим, говорят о высоком чувстве долга, патриотизма, уважении к религиозным чувствам, дисциплине башкирских воинов. Участие башкир в наполеоновских войнах стало своеобразным эталоном отношения их к воинской службе, высшим проявлением патриотического долга, сыгравшим большую роль в укреплении кантонной системы управления.

Подводя итог нашему исследованию, мы с известной степенью уверенности можем сказать следующее: участие башкир, как и других кочевников, в наполеоновских войнах начала XIX в. было несомненным феноменом этой эпохи, что нашло яркое отражение в мемуарной литературе, изобразительных источниках.

Башкиры сохраняли традиционное вооружение и снаряжение кочевников, используя его по своему обычаю и навыкам. Влияние представлений современной армии нового времени лишь незначительно затронуло их. Однако даже такое вооружение, состоящее в основном из лука и стрел, холодного оружия, позволяло им выполнять задания командования и представлять опасность для противника, имевшего, несомненно, лучшее вооружение и новейшую тактику.

Особенности вооружения, относительно слабая тактическая подготовка в сравнении с регулярной армией предопределили разнообразные формы их использования: разведка, сторожевое охранение, конвойная служба, перевозка воинов, непосредственное участие в сражениях.

Отечественная война 1812 г., заграничный поход 1813—1814 г. были для башкир событиями особенными, неординарными. Это было действительно патриотическое участие в судьбе страны, серьезное испытание воинской силы башкирского войска. На этой войне башкиры оказались достойны того внимания, которое было им оказано со стороны государства, и оно в свою очередь получило соответствующее представление о них, нашедшее свою реализацию в дальнейшем укреплении кантонной системы в крае, привлечении башкир к участию в походах Российской армии.